

Постева Екатерина Васильевна

ЮМОР КАК ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

На основе прагматического анализа драматических текстов Э. Брагинского и Э. Рязанова делается вывод о том, что юмористический эффект облегчает отказ от сотрудничества с собеседником, что может быть связано с эмоционально-волевым (психологическим) состоянием адресанта, который, по-видимому, воспринимает стремление собеседника к установлению фатического контакта как нежелательное в данной ситуации, не соответствующее его действительным намерениям. Эти высказывания, как показало исследование, характеризуются низкой степенью кооперативности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 145-148. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

горный дух и наказал людям поклоняться 9 раз дереву. С тех пор ель стали почитать, сведя к минимуму рубку еловых лесов [Там же].

В Корее ель ассоциируется со священным миром, долголетием и Буддой. Почитание ели имеет истоки в религии буддизма, который был особо популярным в Корее в течение нескольких сотен лет.

Подводя итоги анализа семантической характеристики наименований деревьев, хотелось бы отметить, что данная тема наиболее широко представляет нам материал для изучения фитонимов по той причине, что дерево является значимым объектом не только в культуре и жизни якутов и корейцев, но и в плане медицинского применения. Мы выявили, что в большинстве случаев наименования деревьев в якутском языке имеют тюркскую этимологию, корейские же фитонимы происходят из китайского языка, реже являются исконно корейскими. Нередко деревьям придают человеческие качества и образы, такие как «сын», «мать», «гордый», «стройный» и т.д. Таким образом, можно вывести предположение, что человек ассоциирует себя с деревом. Тем не менее наблюдается также тенденция давать животным названия, основанные на наименованиях деревьев. Это обусловлено тем, что в двух культурах растительный и животный мир между собой тесно переплетаются.

Список источников

1. **Большой толковый словарь якутского языка:** в 15-ти т. / Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я); под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. 2 (Буква Б). 912 с.
2. **Большой толковый словарь якутского языка:** в 15-ти т. / Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я); под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3 (Буквы Г, Д, Дь, И). 844 с.
3. **Большой толковый словарь якутского языка:** в 15-ти т. / Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я); под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. Т. 13 (Буква Х). 638 с.
4. **Кулаковский А. Е.** Научные труды / подг. к печати Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 145 с.
5. **Широбокова Н. Н.** Отражение языковых контактов в лексике тюркских языков Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 14. С. 4-21.
6. **한국식물대사전** (Большой словарь корейских лекарственных растений) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krpa.co.kr/product/main?plctId=PLCT00004658> (дата обращения: 23.04.2017).
7. **네이버 한자사전** (Электронный словарь корейской иероглифики) [Электронный ресурс]. URL: <http://hanja.naver.com/> (дата обращения: 16.04.2017).
8. **나무위키** (Электронный словарь наименований корейских лекарственных растений) [Электронный ресурс]. URL: <https://namu.wiki/w/식물/목록> (дата обращения: 23.04.2017).

SEMANTIC DESCRIPTION OF PHYTONYMS (BY THE EXAMPLE OF THE YAKUT AND KOREAN MEDICINAL PLANTS)

Nesterovich Anastasiya Sergeevna
Egorova Kyunnei Grigor'evna

*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
anastasiya.nesterovich.95@mail.ru; kiounnei1@yandex.ru*

The article describes the semantics of phytonyms from nominative, culturological viewpoint. To achieve the research objective the authors develop semantic field and analyze thematic groups of plant nominations in the Korean and Yakut languages. The paper provides information on the Korean and Yakut phytonyms, examines their semantic characteristics, identifies and explains the similarities and differences between the Korean and Yakut phytonyms. The study for the first time proposes general thematic classification of the Yakut and Korean plant nominations.

Key words and phrases: phytonym; semantic field; etymology; image; trees; Yakut language; Korean language.

УДК 81.37

На основе прагматического анализа драматических текстов Э. Брагинского и Э. Рязанова делается вывод о том, что юмористический эффект облегчает отказ от сотрудничества с собеседником, что может быть связано с эмоционально-волевым (психологическим) состоянием адресанта, который, по-видимому, воспринимает стремление собеседника к установлению фатического контакта как нежелательное в данной ситуации, не соответствующее его действительным намерениям. Эти высказывания, как показало исследование, характеризуются низкой степенью кооперативности.

Ключевые слова и фразы: драматический текст; юмористический эффект; фатический контакт; стилистические модификации; диссонанс.

Постева Екатерина Васильевна, к. филол. н.

*Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону
rev-rnd08@mail.ru*

ЮМОР КАК ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Процесс восприятия юмористического начала совмещается во времени и с процессами мышления, и с процессами приобретения содержательных знаний. Эти знания, в свою очередь, переводят то, что собеседники

понимают, в специфическую содержательную форму, а затем, когда собеседники начинают действовать, – в форму реальности их деятельности [1, с. 32]. Юмор обычно основывается на воображении говорящего субъекта, выявляет его творческие способности и языковую изобретательность. Как отмечают исследователи, вместо того, чтобы следовать известными ментальными путями привлечения внимания адресата, говорящий переключается на новые пути, замечает предметы, не фиксируемые до этого, прибегает к новым возможностям и даже вводит некоторую абсурдность в свое высказывание [4, с. 338].

Согласно нашим наблюдениям, юмористический эффект в драматическом тексте возникает в результате диссонанса между семантическим содержанием стимулирующей и реактивной реплик. В ходе развития диалогического общения персонажи оценивают текущую речевую ситуацию, при этом их позиции достаточно часто оказываются несходными и даже полярными. Развертывание диссонансного диалогического единства проливает свет на несоответствие, противоположность прагматического содержания иницилирующих и ответных речевых действий. В этом случае отдельные сегменты ответной реплики фактически противопоставляются отдельным сегментам стимулирующей реплики, а юмористический эффект имеет намеренный характер, поскольку облегчает отказ от коммуникативного сотрудничества с собеседником.

Как в реальном повседневном общении, так и в драматических диалогах, иницируемых персонажами, юмор проявляет тенденцию к порождению живого воображения и лингвистической креативности, которая основывается на стилистических средствах, инновационных девиациях от стилистических норм, употреблении разговорной лексики. Юмористический эффект может порождаться в результате того, что реагирующий собеседник не знаком со «специальной» лексикой, употребляемой первым персонажем. В частности, в примере (1) данная реплика отражает сферу моды, о которой реагирующий персонаж не имеет ни малейшего понятия, что невольно вызывает у читателя (зрителя) улыбку. Юмористической предстает сама ситуация разъяснения этих понятий со стороны первого персонажа. Ср.: (1) «– *Шузы сейчас в ходу на высоком каблукке, желательно с перепонкой... – Простите, я не поняла, что такое шузы... – призналась Калугина. – Обувь, – объяснила Верочка. – Это от английского слова “иууз”. Что касается сапог, то сейчас нужны сапоги гармошкой... на каблукке» [5, с. 303]; (2) «– *Джинсы носить уже не стоит... – Извините, Верочка, а джинсы – это что такое? – Людмила Прокофьевна, вы меня удивляете. Джинсы – это по-нашему джинсы...*» [Там же, с. 305].*

Окрашенные эмоционально, данные разговорные слова заметно повышают выразительность стимулирующих и ответных реплик. Юмористическое начало как специфическая форма передачи смыслового намерения представляется трактовкой речевой формы сквозь призму текущей ситуации общения. Сама ситуация представляет собой такое стечение обстоятельств, которому реагирующий субъект приписывает значение ситуации, ввиду неординарности обсуждаемой проблемы, позволяющей «выхватить» ситуацию из потока повседневности.

Проецируя смысловое содержание ситуации на сложившиеся в данный момент обстоятельства, реагирующий собеседник (Калугина) моделирует своеобразный контраст между многообразием своего внутреннего мира и сферой личного опыта. Сам смысл ситуации опосредует преодоление неприятностей и, в конечном счете, достижение желаемого успеха, что неизбежно вызывает смех читателя (зрителя). Разговорная лексика обеспечивает подачу обыденного содержания парадоксальным способом, вызывая эмоциональную реакцию Калугиной, ведущую к последующим размышлениям.

В драматическом тексте создается эффект «красочного языка», творческий феномен, вмещающий в себя эвфемизмы, парадоксы, метафоры, иронию, игру слов, столкновение регистров, инновационные сочетания слов, неологизмы, аллюзии и целый ряд стилистических модификаций. Красочный язык задействуется в целях передачи смыслов, оптимальных для текущего общения персонажей, юмористического эффекта. По воле автора персонажи спонтанно прибегают к подобным высказываниям в целях рассмешить своих собеседников, показаться остроумными или в силу других причин. Юмористический эффект реализуется как результат противопоставления текущего положения дел стереотипной ситуации, некоей логике вещей. Ср.: (3) «*Малаева. Кошмар какой-то... Когда это кончится? Мой бандит один дома заперт. Якубов. А сколько ему лет? Малаева. Да семь уже. Якубов. Пока мы отсюда выберемся, ему стукнет все восемь, а то и десять...*» [2, с. 83].

В данном случае персонаж, иницирующий общение, задействует лексему разговорного характера, обозначая своего сына как «бандита». Реагирующий собеседник поддерживает фатический контакт, для этих целей усиливает юмористический эффект, прибегая к гиперболе. Юмористический эффект оказывается конструктивным средством установления и поддержания фатического контакта с собеседником в самой рутинной ситуации. При этом данный эффект реализуется по нарастающей – от первого собеседника ко второму: юмористический смысл, реализуемый первым собеседником, подхватывается и интенсифицируется вторым собеседником за счет преувеличения обсуждаемого положения дел.

В основании гиперболы как стилистического средства обнаруживается алогичное начало, поскольку любое преувеличение в определенной степени выявляет несоответствие объективному положению дел. В рамках гиперболы юмористический эффект конструируется с опорой на предзнаменное преувеличение некоторого компонента в текущей ситуации – степени качества предмета или интенсивности действия. Другими словами, в гиперболе реализуется противоречие, которое основано на противопоставлении «реального» и воображаемого, несуществующего и спонтанно вымышленного. На уровне гиперболы преувеличенное положение дел противопоставляется объективным возможностям, что осознается адресатом как невероятное, призванное быть подвергнутое сомнению (ср. в примере (3) реагирующий собеседник «предполагает», что заседание представителей гаражного кооператива продлится год или два). В гиперболах лексемы сохраняют свою предметно-логическую семантику, но алогичность, абсурдность придают всей диалогической реплике юмористический оттенок.

К гиперболизации как способу ненамеренного порождения юмористического эффекта может прибегать и первый собеседник, при этом реагирующий собеседник может игнорировать юмор, трактовать его в философских терминах, что, в свою очередь, усиливает юмористическое прочтение исходной реплики. Например: (4) «Сидорин (встает за столом президиума). И еще один маленький, но довольно-таки большой вопрос. Марина (со вздохом). Жизнь состоит из одних вопросов... А хочется, чтобы она состояла из одних ответов...» [Там же, с. 85].

Первый собеседник настраивает аудиторию на обсуждение серьезных вопросов, но ненамеренно порождает юмористический эффект за счет контрастного представления актуальной для повестки дня проблематики (ср. *маленький, но довольно-таки большой вопрос*). Реагирующий собеседник иронически обыгрывает исходную реплику, чем усиливает юмористический характер сложившегося положения дел. Опять-таки скрытый юмористический (хотя и ненамеренный) потенциал стимулирующей реплики усиливается репликой-реакцией. В последующем ходе общения юмористический эффект выявляет всю абсурдность сложившегося положения дел: (5) «Сын Милосердова (он сидит рядом с Мариной). Разумеется, положительных?.. Марина (иронически). Да! Но не от вас!» [Там же, с. 87].

Собеседники, уставшие от обсуждаемой повестки дня, намеренно переключают общение в неформальное русло, отвлекаются от решения важных возникших вопросов. Разговор плавно приобретает личностный формат, в котором заметно звучат оттенки иронии. Между собеседниками устанавливаются правила некоторой игры.

Игра – это коммуникативная сфера насыщенного различными эмоциями общения, которая объединяет собеседников, обладающих различным положением в социуме и опытом профессиональной деятельности (ср., в частности, образы сына Милосердова и Марины). Й. Хейзинга полагает, что игра дает возможность индивиду перемещаться в инобытие, в условиях которого отсутствуют сословные, меркантильные и прочие ограничения. «Игра снимает то жесткое напряжение, в котором человек пребывает в реальности» [6, с. 135]. К базовым параметрам игры мыслитель также относит эстетичность, желание достичь совершенства и гармонии, стремление к вовлечению в коммуникативный контакт с собеседником. В этой связи Й. Хейзинга подчеркивает, что «игра – это функция, которая исполнена смысла» [Там же, с. 21]. В исследовании «Человек играющий» Й. Хейзинга раскрывает всеобъемлющий характер игры, трактуя ее как онтологическую категорию существования человека.

Юмор в речевом взаимодействии собеседников дает возможность переключить коммуникативный регистр текущего разговора, облегчить безвыходность сложившейся ситуации [3, с. 1089]. При этом сам разговор приобретает неформальный характер, поддерживаемый оттенками иронического смысла. Ирония, содержащаяся в финальной ответной реплике, в свою очередь, усиливает контрастность позиций собеседников. В связи с этим действенным средством конструирования юмористического эффекта в драматическом тексте предстает антонимичность стимулирующей и реагирующей реплик, создаваемая, в частности, прилагательными-антонимами. Ср.: (6) «– Вы утверждали, что я *черствая*, – продолжала Калугина. – Вы *мякая!* – поспешино возразил Новосельцев. – *Бездушная...* – Вы *сердечная!* – мгновенно соврал он. – *Бесчеловечная...* – вспомнила начальница. – Вы *душевная!* – оправдывался подчиненный. – *Сухая...* – Вы *мокрая...* – Новосельцев в ужасе осекся. – *Перестаньте надо мной издеваться!* – в бешенстве заорала Калугина. – *Наоборот, я перед вами преклоняюсь. Я не хотел сказать “мокрая”, это у меня случайно получилось, я хотел сказать “добрая”!* – затюканный Новосельцев не знал, как выпутаться из этой злосчастной ситуации» [5, с. 301].

Диалог между персонажами выстраивается с опорой на категорию контраста, которая реализуется именами прилагательными с антонимичными значениями. Однако последняя пара антонимов оказывается несовместимой в контексте текущего разговора, что неизбежно порождает юмористический эффект. Обнаруживая смысл, скрывающийся за данной антонимической несовместимостью, читатель выявляет когнитивную модель референций ментального лексикона реагирующего персонажа и его текущее эмоционально-волевое состояние, в результате которого персонаж порождает в общении юмористический эффект.

В рамках анализируемого сегмента драматического текста данный эффект не способствует поддержанию фатического контакта между собеседниками, поскольку речевое поведение реагирующего собеседника воспринимается первым собеседником как агрессивное, нацеленное на подрыв его авторитета. Ненамеренно порождаемый юмор, таким образом, может вносить дисгармонию в речевое общение, способствовать размыканию контакта между собеседниками.

Сфера юмора объединяет все измерения проанализированных диалогических единств (на уровне восприятия реплик, эмоционально-волевого состояния персонажей, последующих реакций, речевой деятельности вообще, личных желаний персонажей) в гармоничное целое, предопределяет прагматическую связность реплик в составе диалогических единств. Вместе с тем, иницируя вопрос и предлагая сделать оценку концептуально-гипотетическому знанию, первый персонаж делает попытку установить не только определенную общность понятий, но и их конкретное юмористическое содержание. Реагирующий персонаж, в свою очередь, призван дать ответ «да» или «нет», т.е. выразить согласие с указанным концептуальным и модусным положением или опровергнуть его, реализуя / не реализуя унисон в драматическом тексте.

Список источников

1. Азарова О. А., Кудряшов И. А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 30-33.
2. Брагинский Э., Рязанов Э. Вокзал для двоих. Гараж: киносценарии. М.: Искусство, 1984. 135 с.

3. Котова Н. С., Кудряшов И. А. Эпистемический статус собеседников и эвиденциальные средства его манифестации в диалогическом взаимодействии // В мире научных открытий. 2015. № 11.2 (71). С. 1084-1095.
4. Микутина И. О., Ласкова М. В. Агрессивные истоки юмора // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 3 (67). С. 337-380.
5. Рязанов Э., Брагинский Э. Берегись автомобиля. Ирония судьбы, или С легким паром. Служебный роман. М.: Азбука, 2015. 352 с.
6. Хёйзинга Й. Homo Ludens (Человек играющий). М.: Прогресс, 2001. 356 с.

HUMOUR AS A DIALOGICAL PHENOMENON IN THE DRAMATIC TEXT

Postevaya Ekaterina Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Don State Technical University, Rostov-on-Don
pev-rnd08@mail.ru

Basing on the pragmatic analysis of the dramatic texts written by E. Braginsky and E. Ryazanov, the author concludes that the humorous effect facilitates the refusal to cooperate with an interlocutor, which may be due to the emotional-volitional (psychological) state of the addresser, who apparently perceives the aspiration of the interlocutor to establish a phatic contact as undesirable in this situation, which does not correspond to his actual intentions. These statements, as the study shows, are characterized by a low degree of cooperativity.

Key words and phrases: dramatic text; humorous effect; phatic contact; stylistic modifications; dissonance.

УДК 811.512.212

В статье описываются представления эвенков о циклическом времени. Изучение языкового материала показало осознание циклической модели времени через повторяемость природных циклов, смену дня и ночи. Отмечается, что годовой и суточный циклы модели основаны на национальной специфике. В результате анализа были получены выводы о том, что представления эвенков о циклической модели времени определяются не только универсальным пониманием, но и национально-культурным.

Ключевые слова и фразы: эвенки; хозяйственная деятельность; мифологическое представление; модель времени; годовой цикл; суточный цикл; периодичность.

Савлепова Татьяна Владимировна

Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ
savlepotat@yandex.ru

ЦИКЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭВЕНКОВ

Время является одной из главных бытовых (онтологических) и языковых категорий, которые образуют концептуальную основу любой языковой системы. Изучая категорию 'время', исследователи выделяют разные модели времени, но основополагающим считают циклическое и линейное время [1, с. 51; 9, с. 17].

Первым, кто описал упомянутые модели времени, был М. Гюйо. По его мнению, «все раньше полученные ребенком ощущения продолжают звучать в нем и после, и сосуществуют с наличными ощущениями, борются с ними; в этом хаосе, который едва ли можно изобразить словами, время отсутствует. Оно возникает лишь тогда, когда предметы располагаются по прямой линии; а в таком случае время имеет одно только измерение – длину. Но вначале дело обстоит так: эта длинная прямая, которая исходит из нашего прошлого и теряется в отдаленном будущем, еще не проведена» [5, с. 22].

В данной статье нами будет проанализирована циклическая модель времени в языковом представлении эвенков, одного из малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, с целью выявления национально-специфических особенностей восприятия годового и суточного циклов, связанных с природно-хозяйственными представлениями.

Н. И. Толстой считает, что для всех народов мира характерно представление о циклическом времени, о повторяемости цикла. Это связано с природой, с деятельностью солнца и ее отражением на земле (годовой цикл, суточный цикл). Членение суток и года зависит от человеческого сознания и отражающего его языка. Эти представления этнически (национально) окрашены, т.е. связаны с определенной этнической группой их носителей, как и язык, они изменяются и преобразуются в ходе исторического развития [9, с. 17]. Это характерно и для эвенков, чьи представления о циклическом времени также соотносятся с природным циклом: годовым и суточному.

Осознание временных отрезков годового цикла, зафиксированных в языке, находит свое выражение в эвенкийском хозяйственном календаре. Такие единицы времени, как месяц, год, определяются движением солнца. С солнцем эвенки связывали смену времен года. По солнцу вели календарь хозяйственного года. В начале XX века у зейско-учурских эвенков существовало две разновидности солнечного календаря: гражданский, по которому они вели связь с внешним миром, с началом нового года – 1 января; хозяйственный, по которому